

ИСТОРИЯ ГЕОГРАФИИ

Т.Д. Александрова

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА И ГЕОГРАФИЯ

1. География и война на протяжении всей истории человечества очень часто были близки по своей сути, хоть и далеки по смыслу (С. Синякович, 1998). Война оказывается полезной для развития двух профессий: медицины и географии (А. Баттимер, 1990). Рост потребности в информации у воюющих государств обычно приводит к усилению практической значимости географии, науки, не имеющей конкурентов в понимании свойств местности и умении передавать информацию с помощью специальных карт.

Именно во время войны результаты работы географов становятся крайне важными для большого числа «лиц, принимающих решения» — от командиров полков до министров. География помогает решению многих важнейших задач мирового конфликта (А.Е. Ферсман, 1942).

2. С первых дней Великой Отечественной войны все научные силы нашей страны были переориентированы на решение новых — военных — задач. При Академии наук СССР широко применялись такие формы научной организации как специальные комиссии и комитеты (Б.В. Левшин, 1983). Были организованы оборонные комиссии для обслуживания фронта и тыла, в т. ч. комиссии по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана (АРАН. Ф. 666), Поволжья и Прикамья, Среднеазиатских союзных республик.

3. В сферу деятельности Комиссии по геолого-географическому обслуживанию Красной Армии при Отделении геолого-географических наук АН СССР входили десятки вопросов: поиски и изучение стратегического сырья; создание руководства по задачам и методам военной географии, составление военно-географических описаний зарубежных стран, военных рубежей и проходимости; составление различных карт; использование аэрофотоснимков, работы по маскировке, укрытиям, анализу условий погоды и климата; исследования по использованию льда в военной техни-

ке и изучению ледяного покрова водоемов как пути сообщения (АРАН. Ф. 535, 580).

Географический цикл работ Комиссии включал в себя: составление военно-климатических очерков и военно-географических карт сначала западной (а затем и восточной) части СССР и прилегающих зарубежных стран; геоморфологическое, агроклиматическое и водохозяйственное изучение земельных ресурсов Казахстана для развития земледелия и животноводства; экономгеографическое изучение городов и отдельных районов восточных частей СССР (Поволжья, Урала, Казахстана, Киргизии, Туркмении и др. (АРАН. Ф. 535. Оп. 1. № 163).

В составе Комиссии сотрудники Института географии вместе с сотрудникам и Ботанического и Почвенного институтов оперативно готовили разнообразные военно-географические карты — новый впервые созданный в СССР тип карт в ответ на требования военного времени. Среди них — военно-геоморфологические карты, карты элеменотов проходимости дорог (для людей, разных видов техники) по сезонам, карты взлетно-посадочных условий и прибрежно-морских территорий, карты снежного покрова, фенологические климатические карты и др. Были составлены десятки военно-географических справочников и описаний территорий СССР и зарубежных стран.

4. Представители почти всех естественнонаучных направлений (геологи, биологи и др.) работали на военные нужды. В Ленинграде сотрудники Ботанического института участвовали в составлении военно-географических карт и очерков прифронтовой полосы, карты проходимости болот прифронтовой зоны Ленинградской области на основе аэрофотоснимков, проводили изыскания по военной маскировке растениями (А.В. Кольцов, 1997; Г.А. Соболев, 1966).

5. Крупные географы были лидерами военно-географических исследований. А.А. Григорьев (1943, 1944) руководил прикладными работами, К.К. Марков (1943) читал курс военной географии, Б.Б. Полынов подготовил первый выпуск «Учения о местности» (АРАН. Ф. 602. Оп. 8. № 1), затем руководил Военно-географической комиссией Всесоюзного Географического общества в Ленинграде (Полынов, 1944, 1985). Члены ВГО читали лекции в воинских частях и госпиталях (Г.А. Князев, 2009); по просьбе

оборонных организаций составляли справки и давали консультации.

5. О работах географов в помощь фронту и тылу рассказывали как участники тех событий (И.П. Герасимов, А.С. Кесь, 1948; А.А. Григорьев, 1947; А.Г. Доскач и др., 1975), так и другие ученые. Особенно активно выходили публикации к юбилейным датам: 30–40–50–60-летию со дня Великой Победы (Абрамов, 1975, 1985, 1995, 2005; Советские географы — фронту и тылу, 1985; Алаев, 1995; Вальская, 1995; Лаппо, 1995; Краснопольский, 1995; Преображенский, Александрова, 1995, Шокальская, 1995 и др.). Было проанализировано большое тематическое разнообразие военно-географических работ, которые свидетельствуют о высокой способности географии и географов успешно решать новые задачи.

В.И. Богданов, Т.И. Малова, М.Ю. Медведев

**О ПРОГНОЗЕ «НЕМИНУЕМО НАДВИГАЮЩЕГОСЯ»
ОЧЕРЕДНОГО КАТАСТРОФИЧЕСКОГО НАВОДНЕНИЯ НЕВЫ
НА РУБЕЖЕ ХХ–ХХI вв.**

Широко известны панические слухи о грядущих страшных наводнениях Невы и гибели Санкт-Петербурга, распространявшиеся в петровское время и позднее, особенно после реальных сильных наводнений и на рубежах столетий. Полагая слухи «прогнозами», отметим, что они ни разу не оправдывались. На этом фоне привлекают внимание два обоснованных заблаговременных прогноза катастрофического наводнения 23 сентября 1924 г. В основе первого из них (А.П. Старков, 1899) — асимметричный процесс смены полупериода частых наводнений («90 слишком лет») полупериодом «затишья» (около 47 лет). Согласно этому гипотетическому обоснованию, очередное наводнение Невы следовало ожидать «до 1920-х годов». Второй прогноз принадлежит монаху Спасо-Преображенского Валаамского монастыря Иувиану (И.П. Красноперову), который предсказал катастрофические Ладожское и Ленинградское наводнения. Их причину он связал с избытком